This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG
3948
K8562
G75
1899

STANFORD
LIBRARIES
P81-9

П. А. КУЛИШЪ.

Біографіческій очеркъ

Б. Гринченко.

іе къ выпуску I-му «Земскаго Сборника» Черниговской губ. за 1899 г.

ЧЕРНИГОВЪ.
Типографія Губернскаго земства.
1899.

П. А. КУЛИШЪ.

Біографическій очеркъ

Б. Гринченко.

Приложеніе къ выпуску I-му «Земскаго Сборника» Черниговской губ. за 1899 г.

ЧЕРНИГОВЪ.
Типографія Губернскаго земства.
1899.

Печатать дозволено.

Москва. 24 апреля 1899

Перевидання книги здійснено
Чернігівською обласною універсальною
науковою бібліотекою
ім. В. Г. Короленка в 2001 році
Ризограф ОУНБ ім. В. Г. Короленка
Підписано до друку 01.08.01 р.

Тираж 300 примірників

П. А. КУЛИШЪ

Имя, поставленное во главѣ этого очерка, принадлежитъ одному изъ замѣчательнѣйшихъ уроженцевъ Черниговской губерніи.

Мы не намѣрены писать біографіи Кулиша. Его жизнь слишкомъ близка еще къ намъ, результаты его дѣятельности далеко еще не опредѣлились, чтобы можно было это сдѣлать съ достаточной полнотой и опредѣленностью. Но все же для пониманія этой личности необходимо напомнить главные факты его жизни.

Онъ родился 27 іюля 1819 г. въ м. Воронежѣ, Глуховскаго у. Черниговской губ., въ семьѣ мѣлкопомѣстнаго панка, предки котораго были козаками. Семья жила не бѣдно, но жила просто, по старосвѣтски: отецъ своими руками строилъ и мастерилъ, мать была неграмотна. Въ семьѣ говорили, конечно, только по малорусски, и иного языка мальчикъ пока не зналъ.

Первые шаги его по пути образованія сдѣланы были при поэтической обстановкѣ: мальчикъ влюбился въ свою двоюродную сестру Лесю, которая была старше его на четыре года. Она выучила его читать по церковно-славянски и передавала своему влюбленному ученику поэтическія народныя сказки, а онъ мечталъ о томъ, что одѣнетъ ее всю въ золото — тогда, когда выростетъ и будетъ богачемъ. Онъ действительно сдѣлался богачемъ — духа, но своего намѣренія не могъ исполнить: пьяница—мужъ уложилъ въ гробъ его Лесю...

Вторымъ лицомъ, сильно поразившимъ дѣтское воображеніе маленькаго Кулиша была богатая помѣщица, сосѣдка Кулишей, Ульяна Мужиловская. Кулишъ описалъ ее потомъ въ повѣсти "Ульяна Терентьевна", а въ своихъ воспоминаніяхъ онъ разсказываетъ, что она представлялась ему тогда какою-то царицею или богинею, сіяющею умомъ и разсыпающею вокругъ себя добро. Къ такому представленію о ней склоняло Кулиша, между прочимъ, то вліяніе, какое Мужиловская имѣла на его отца: мать Кулиша дрожала предъ своимъ деспотическимъ и горячимъ мужемъ, а онъ слѣдовалъ совѣтамъ и указаніямъ Мужиловской какъ

ребенокъ. Умный впечатлительный мальчикъ проникался, подъ ея вліяніемъ, духомъ идеализма, и уже съ этого времени, по его словамъ, у него явилось пренебреженіе къ судьбѣ обыкновеннаго человѣка: онъ мечталъ о чемъ то особенномъ и старался стать выше всѣхъ своихъ товарищей.

Настояніямъ Мужиловской онъ обязанъ былъ и тѣмъ, что отецъ, послѣ уѣзднаго училища, отдалъ его не въ канцелярію суда, какъ предполагалъ, а въ Новгородсѣверскую гимназію.

Сперва онъ былъ очень плохимъ ученикомъ, такъ какъ не понималъ по русски; но побѣдивъ это препятствіе, сдѣлался первымъ въ классѣ. Впрочемъ учиться было почти нечему, такъ какъ учителя были лишь плохіе чиновники, и умнѣе всѣхъ учителей казался Кулишу его товарищъ Сердюковъ, вмѣстѣ съ которымъ онъ читалъ Жуковскаго и Пушкина, самъ-же Сердюковъ читалъ въ оригиналѣ Гете и Шиллера.

Гордая натура Кулиша проявлялась уже тогда. Однажды онъ не могъ рѣшить алгебраической задачи. Учитель велѣлъ ему стать на колѣни. Мальчикъ сказалъ:

— Если поставите меня на колѣни, то заброшу навсегда алгебру; а если на этотъ разъ простите, — буду хорошимъ ученикомъ.

Учитель поставилъ его на колѣни, а Кулишъ, прекрасно учившійся по всѣмъ предметамъ, совсѣмъ оставилъ алгебру и на экзаменѣ заявилъ, что ничего изъ нея не знаетъ, что, впрочемъ, не помѣшало ему, благодаря добротѣ директора, перейти въ слѣдующій классъ.

Тогда же, въ Новгородсѣверскѣ, онъ впервые заинтересовался произведеніями малорусскихъ авторовъ. До тѣхъ поръ онъ читалъ Гулака-Артемовскаго, первыя повѣсти Квитки, потомъ вдвоемъ съ Сердыковымъ наслаждался малорусскими разсказами Гоголя и даже самъ написалъ со словъ своей матери по украински сказку "Цыгань"; но сознательнаго отношенія къ языку у него не было. Случайно Кулишъ пріобрѣлъ въ бакалейной лавкѣ сборникъ народныхъ украинскихъ думъ и пѣсенъ Максимовича, изданный въ 1834 г., и началъ читать книгу вдвоемъ съ Сердюковымъ.

Сборникъ произвелъ на обоихъ такое впечатлѣніе, что они забыли и о Квиткѣ съ Гоголемъ, и о нѣмецкихъ классикахъ. Кулишъ носился вездѣ съ книжкой, каждому ее читалъ — до тѣхъ поръ, пока всѣмъ надоѣлъ такъ, что надъ нимъ стали смѣяться и убѣгать отъ его чтенія. Тогда онъ выучилъ всю книгу на память, чтобы никогда не разставаться съ ней.

Отецъ не далъ сыну возможности окончить гимназію. Кулишъ вышелъ изъ нея, перейдя въ предпослѣдній классъ, былъ учителемъ въ помѣщичьихъ семьяхъ и готовился къ поступленію въ университетъ; выдержавъ экзаменъ въ Кіевѣ, онъ поступилъ сперва на словесный, а потомъ юридическій факультетъ.

Кромѣ университетскихъ лекцій, большое вліяніе оказывалъ тогда на Кулиша извѣстный историкъ, этнографъ и филологъ Максимовичъ, бывшій въ то время профессоромъ Кіевскаго университета. Кулишъ пріобрѣлъ его симпатіи, представивъ ему сборникъ народныхъ пѣсенъ, записанныхъ отъ матери. Молодой студентъ приходилъ въ гости къ профессору, оба вмѣстѣ работали надъ собраніемъ пѣсенъ и читали Вальтера Скотта, при чемъ профессоръ объяснялъ Кулишу законы литературнаго творчества. Подъ вліяніемъ Максимовича начались и первыя литературныя работы Кулиша: въ изданномъ Максимовичемъ въ 1840 году сборникѣ "Кіевлянинъ" напечатанъ былъ переводъ двухъ народныхъ малорусскихъ легендъ, сдѣланный Кулишемъ.

Недостатокъ средствъ и здѣсь сильно мѣшалъ Кулишу заниматься наукой: бѣдствуя, онъ принужденъ былъ бросить университетъ и зарабатывать въ качествѣ учителя городскихъ школъ въ Луцкѣ и Кіевѣ, потомъ снова возвращался къ университетскимъ лекціямъ.

Однако это не мѣшало ему заниматься литературой, и въ 1843 году появился его историческій романъ "Михайло Чарнышенко, или Малороссія восемьдесятъ лѣтъ назадъ", мысль о написаніи котораго навѣяна была ему чтеніемъ Вальтеръ Скотта.

Въ то же время онъ занялся болѣе основательнымъ изученіемъ своего народа, и мы видимъ, что въ 1844 и 1845 годахъ Кулишъ

обошелъ и объѣхалъ всю Кіевскую губернію, собирая этнографическіе матеріали, вошедшіе потомъ въ его "Записки о Южной Руси". Обходя села и разговаривая съ народными кобзарями и стариками, Кулишъ иногда декламировалъ имъ на память величественныя кобзарскія думы, изучать которыя онъ, какъ мы видѣли, началъ еще гимназистомъ. Этимъ онъ страшно поражалъ своихъ слушателей, никогда не предполагавшихъ, чтобы "панъ" могъ сохранять въ своей головѣ произведенія, считавшіяся ими исключительнымъ достояніемъ села. Воодушевленные и этими воспоминаніями о прошломъ, и невиданнымъ ими доселѣ человѣческимъ отношеніямъ этого "пана" къ нимъ, "мужикамъ", эти люди раскрывали предъ нимъ свою, душу, и Кулишъ не разъ долженъ былъ прятаться и уходить тайкомъ отъ своихъ сельскихъ друзей, которые, не слыхавъ никогда ничего подобнаго, начинали распространять вокругъ него слухи, что это царскій сынъ, тайкомъ отъ пановъ, ходитъ среди народа, желая узнать его нужды.

Во время своихъ этнографическихъ экскурсій Кулишъ познакомился съ двумя, жившими въ Малороссіи, представителями польской интеллигенціи: историкомъ Грабовскимъ и этнографомъ Свидзинскимъ. Всѣ трое они обмѣнивались между собою своими знаніями, записями, книгами; сходились на интересѣ къ местной исторіи и этнографіи, но сильно расходились во взглядахъ на малорусскій народъ и его прошлое. Изъ другихъ знакомствъ его въ это время слѣдуетъ отмѣтить знакомство съ Шевченкомъ, Костомаровымъ и Василіемъ Бѣлозерскимъ, впослѣдствіи редакторомъ "Основы".

Интересно его первое знакомство съ Шевченкомъ. Въ комнату Кулиша входитъ кто то въ парусиновой одеждѣ и говоритъ:

— Здорови були! А вгадайте—хто?

— Хто жъ, якъ не Шевченко! — отвѣтилъ Кулишъ, хотя даже и портрета поэта никогда не видалъ.

— Винъ и є! —отвѣтилъ гость.

Между новыми знакомыми скоро завязались сердечныя отношенія, которыя, однако, нѣсколько охлаждались сильнымъ

несоотвѣтствіемъ натуръ обоихъ писателей. Шевченку не нравилась "аристократичность" Кулиша, а послѣдній не совсѣмъ мирился съ проявленіями сильнаго, "козацько-бурлацького" демократизма поэта.

Съ Костомаровымъ Кулиша сближалъ ихъ интересъ къ родной старинѣ, изученію которой они оба ревностно предавались; съ Бѣлозерскимъ, кромѣ сходства взглядовъ и симпатій, ихъ связывали еще и иного рода отношенія: будучи въ гостяхъ у Бѣлозерскаго въ Борзенскомъ уѣздѣ Черниговской губ., Кулишъ познакомился тамъ съ его сестрой, произведшей на него сильное впечатлѣніе и сдѣлавшейся черезъ три года женой нашего писателя.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ самомъ началѣ своей литературной деятельности Кулишъ попалъ въ кругъ лучшихъ представителей мѣстной интеллигенціи, людей съ знаніями, умомъ и талантомъ. Это, конечно, не могло не дѣйствовать благотворно-развивающимъ образомъ на него самого и не укрѣплять его въ намѣреніи работать надъ изученіемъ народнаго быта и мѣстной исторіи, которой онъ интересовался по преимуществу.

Онъ изучалъ кровавую эпопею народной борьбы съ враждебными народу элементами по книгамъ и старымъ документамъ, по древнимъ раскопаннымъ могиламъ и по полнымъ жизни и поэзіи преданіямъ и пѣснямъ родного села. На него повѣяло духомъ стараго героизма малорусской исторіи, и у него явилась мысль создать... украинскую "Иліаду". Ему хотѣлось собрать думы о всѣхъ малорусскихъ гетманахъ и, объединивъ ихъ въ одно цѣлое, создать нѣчто подобное Гомеровой эпопеѣ. Онъ ходилъ изъ села въ село, выспрашивая, выслушивая эти думы, но все же ему не удалось собрать ничего цѣльнаго подобнаго "Иліадѣ": объ одномъ народныя массы не сложили совсѣмъ пѣсенъ, о другомъ — уже успѣли забыть сложенныя. Тогда молодой поэтъ рѣшилъ взять всѣ извѣстныя ему народныя думы, расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, а пробѣлы заполнить думами собственнаго сочиненія. Первая часть этой работы подъ заглавіемъ "Украина" появилась въ 1843 г. Она

заключала въ себѣ двѣнадцать думъ, воспѣвавшихъ событія съ Владиміра Святаго до Хмельницкаго; пять думъ были народныя, а семь — произведенія самого Кулиша, написанныя въ томъ-же духѣ, не безъ таланта и прекраснымъ малорусскимъ языкомъ. Но какъ разъ въ это время публика только что прочитала "Кобзаря" Шевченко, и огненная поэзія геніальнаго народнаго поэта оставила въ тѣни меньшую поэтическую силу. Кулишъ надолго замолкъ какъ поэтъ-стихотворецъ. Но Гомеръ вдохновилъ его еще на одно произведеніе: подъ впечатлѣніемъ шестой пѣсни "Одиссеи" Кулишъ написалъ "Орысю" — граціозную, поэтическую идиллію.

Между тѣмъ въ Кіевѣ уже составился кружокъ молодежи, къ которому принадлежалъ и Кулишъ. Вотъ какъ онъ самъ, въ одной изъ своихъ книгъ, характеризуетъ этотъ кружокъ: "Среди этой молодежи явился Шевченко съ своимъ громкимъ плачемъ надъ несчастною судьбою народа и запѣлъ предъ ними:

Свите тыхый, краю мылый....

Эта пѣсня была для нихъ по истинѣ звукомъ архангельской трубы воскресенія. Если когда либо говорили правду, что сердце ожило, что глаза заблистали, что надъ головой у человѣка загорѣлся пламенный языкъ, — то это было тогда въ Кіевѣ". Маленькій кружокъ смотрѣлъ на Шевченка какъ на пророка, а на себя — какъ на вдохновенныхъ свыше на великое дѣло: развитіе малорусской литературы и поднятіе крѣпостнаго народа — изъ рабства духовнаго и соціальнаго. "Необходимо знать", — говоритъ Кулишъ, — "что эта Кіевская молодежь была сильно проникнута евангельскими идеалами, что это была молодежь высокой нравственной чистоты и что пылкость любви къ ближнему достигало среди нея до энтузіазма". Къ этому должно прибавить вліяніе принциповъ, выработанныхъ западно-европейскимъ умственнымъ движеніемъ того времени. "Мы имѣли въ виду" — говоритъ Кулишъ, — "не одно только освобожденіе крѣпостного. Этого намъ было мало или лучше сказать, это было у насъ послѣднимъ дѣломъ. Программою нашего освобожденія

крѣпостныхъ служили слова Спасителя: "И уразумѣете истину, и истина свободитъ вы"... Мы знали, что въ Англіи не право и не декретъ, а культура уничтожила крѣпостное право." Кружокъ пока учился самъ, училъ другихъ, стараясь привить сыновьямъ помѣщиковъ возвышенныя гуманныя идеи и убѣждая эту молодежь, что необходимо уничтожить крѣпостное право и подготовлять дворянство къ этому акту.

Между тѣмъ Кулишъ напечаталъ первыя главы своего историческаго романа "Червая рада" въ журналѣ П. А. Плетнева, Современникъ" (1845). По этому поводу возникла переписка у Кулиша съ Плетневымъ, имѣвшая тотъ результатъ, что Плетневъ, бывшій тогда ректоромъ университета и управлявшій учебнымъ округомъ, вызвалъ Кулиша въ Петербургъ и далъ ему сразу двѣ должности: учителя гимназіи и преподавателя русскаго языка студентамъ-инородцамъ въ университетѣ. Плетневъ очень полюбилъ начинающаго писателя, и они видѣлись почти ежедневно. Интересно, что пишетъ Плетневъ (въ письмахъ къ Я. К. Гроту) о Кулишѣ того времени: "Кулишъ" — молодой человѣкъ высокихъ нравственныхъ и религіозныхъ правилъ", "высокій образецъ чувствованій и дѣлъ", "интересный и наружностью и чистотою души и умомъ".*)

Живя въ Петербургѣ и помогая Плетневу въ работахъ по "Современнику", Кулишъ не забывалъ малорусской исторіи и посылалъ въ Москву Бодянскому, для напечатанія въ "Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ", секретаремъ котораго состоялъ Бодянскій, различныя рукописныя малорусскія лѣтописи, между прочимъ знаменитую "Лѣтопись Самовидца", принималъ участіе въ судьбахъ "Чтеній", обрабатывалъ для изданія свои этнографическіе матеріалы и вообще проявлялъ самую разнообразную дѣятельность, не смотря на то, что, не отличаясь вообще здоровьемъ, часто прихварывалъ и лично не чувствовалъ себя счастливымъ: "Гдѣ тутъ везетъ?!" —

*) Кіевская Старина, 1896, XII, 87—88.

отвѣчаетъ онъ Бодянскому на письмо. — "Я долженъ везти а не мнѣ везетъ".*) Онъ перезнакомился уже въ это время съ цвѣтомъ Петербургской интеллигенціи и обратилъ на себя вниманіе своими трудами. Незадолго до этого умеръ академикъ славистъ Прейсъ. По настоянію Плетнева академія наукъ послала Кулиша, хотя онъ и не окончилъ университета, за границу, чтобы, по возвращеніи, онъ занялъ мѣсто адъюнкта академіи и каѳедру славянскихъ литературъ въ университетѣ. Кулишъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Черниговщину, где 22 января 1847 г. женился на сестрѣ Василія Бѣлозерскаго Александрѣ Михайловнѣ, извѣстной теперь въ литературѣ подъ псевдонимомъ Ганны Барвинокъ; свадьба происходила въ той самой Оленовкѣ, въ которой онъ умеръ и похороненъ. Счастливый и полный надеждъ выѣхалъ Кулишъ, вмѣстѣ съ женой и ея братомъ, за границу, но по пути остановился на нѣкоторое время въ Варшавѣ.

Неожиданный поворотъ обстоятельствъ разрушилъ всѣ надежды Кулиша.

Во время отсутствія Кулиша изъ Кіева кіевскій кружокъ окончательно организовался въ тайное общество, называвшееся "Братствомъ св. Кирилла и Меѳодія" (25 декабря 1846). Членами этого братства были Николай Гулакъ, Николай Костомаровъ (основавшій братство),**) Александръ Навроцкій, Василій Бѣлозерскій, Аѳанасій Марковичъ (Марко Вовчокъ), Посяда, Андрузскій, Тулубъ, Савичъ... По словамъ Кулиша, ни онъ, ни Шевченко не состояли членами этого "Братства", такъ какъ "братчики" рѣшили, что оба они и безъ того будутъ работать для той же идеи и въ то же время останутся въ сторонѣ въ случаѣ открытія общества. Интересы этого кружка не ограничивались предѣлами малорусской народности. Члены его мечтали объ общеславянской взаимности, соединяя съ послѣдней пожеланія

*) Кіевская Старина, 1897, IX, 384—408.

**) Костомаровъ, въ своей статьѣ въ «Кіевской Стар.» говоритъ, что были только разговоры о братствѣ, но самого общества не было. Во всякомъ случаѣ программа его существовала.

прогресса въ своей странѣ. "Взаимность славянскихъ народовъ",— писалъ позже объ этомъ кружкѣ Костомаровъ, — "въ нашемъ воображеніи не ограничивалась уже сферою науки и поэзіи, но стала представляться въ образахъ, въ которыхъ, какъ намъ казалось, она должна была воплотиться для будущей исторіи. Помимо нашей воли сталъ намъ представляться федеративный строй, какъ самое счастливое теченіе общественной жизни славянскихъ націй... Во всѣхъ частяхъ федераціи предполагались одинакіе основные законы и права, равенство вѣса, мѣръ и монеты, отсутствіе таможень и свобода торговли, всеобщее уничтоженіе крѣпостного права и рабства въ какомъ бы то ни было видѣ, единая центральная власть, завѣдующая сношеніями внѣ союза, войскомъ и флотомъ, но полная автономія каждой части по отношенію къ внутреннимъ учрежденіямъ, внутреннему управленію, судопроизводству и народному образованію".*) Общество должно было быть общеславянскимъ, почему въ него принимались "славяне всѣхъ племенъ и всѣхъ знаній". Изъ ближайшихъ цѣлей намѣчены были слѣдующія: "Такъ какъ славянскія племена въ настоящее время исповѣдуютъ различныя вѣроисповѣданія и имѣютъ предубѣжденія другъ противъ друга, то общество будетъ стараться объ уничтоженіи всякой письменной и религіозной вражды между ними и распространять идею о возможности примиренія разногласій въ христіанскихъ церквяхъ.—

*) См. «Энциклопедическій Словарь» Брокгауза и Ефрона, полутомъ 31, Костомаровъ. Свѣдѣнія о Кіевскомъ кружкѣ, Кирилло-Меѳодьевскомъ братствѣ, равно и обо всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ см. еще въ «Кіевской Старинѣ (1883, II, 228-229), «Очеркахъ исторіи украинской литературы XIX ст.» проф. Н. И. Петрова (главы о Костомаровѣ), Кулишѣ, Шевченко и Навроцкомъ) и разборѣ этой книги проф. Дашкевичемъ («Отчетъ о 29-мъ присужденіи наградъ графа Уварова». Академіи наукъ. Спб. 1888), «Исторіи славянскихъ литературъ" Пыпина и Спасовича, автобіографій Костомарова (Литературное Наслѣдіе, Спб. 1890), книгѣ А. Кониссскаго "Жизнь украинскаго поэта Т. Г. Шевченко» (Одесса, 1898) "Русскомъ архивѣ», 1892, №7, стр. 334—359 (докладъ графа Орлова о слѣдствіи). «Исторіи русской этнографіи» А. Н. Пыпина, т. III (главы о Кулишѣ и Костомаровѣ) и др.

Общество будетъ стараться заранѣе объ искорененіи рабства и всякаго униженія низшихъ классовъ, равнымъ образомъ и о повсемѣстномъ распространеніи грамотности."

Братство просуществовало не долго. Студентъ Алексѣй Петровъ, подслушавъ разговоръ "братчиковъ" въ квартирѣ Гулака, сдѣлалъ доносъ, и весной 1847-го года арестовали вышеназванныхъ членовъ братства, равно Шевченка и Кулиша, послѣдняго въ Варшавѣ. Кулиша привезли въ Петербургъ. На всѣ увѣренія его, что онъ не принималъ участія въ братствѣ, не обращали вниманія и считали его руководителемъ всего дѣла. Наконецъ, Кулишъ былъ обвиненъ за написаніе брошюры для дѣтей "Повѣсть объ украинскомъ народѣ", напечатанной въ 1846 еще году въ дѣтскомъ журналѣ Ишимовой — "Звѣздочка", присужденъ къ заключенію на два мѣсяца въ крѣпость, а затѣмъ сосланъ въ Тулу съ запрещеніемъ служить по министерству народнаго просвѣщенія и писать.

Въ Тулѣ Кулишъ прожилъ три года и три мѣсяца, получая 300 руб. въ годъ за редакторство "Губернскихъ Вѣдомостей". Въ это время онъ изучалъ иностранные языки (онъ изучилъ впослѣдствіи, безъ помощи учителя, шесть иностранныхъ языковъ, не считая, конечно, славянскихъ) и написалъ по русски двѣ историческія повѣсти — "Алексѣй Однорогъ" и "Искатели счастья". Въ 1850 г. онъ былъ освобожденъ отъ подневольнаго жительства. Разсказъ о томъ, какъ онъ принялъ извѣстіе о свободѣ, характеризуетъ его крайнюю впечатлительность. Жандармскій полковникъ пришелъ извѣстить Кулиша о перемѣнѣ въ его судьбѣ. По его уходѣ Кулишъ сейчасъ же пошелъ къ женѣ сказать объ этомъ. Вошелъ — и не въ состояніи былъ ничего выговорить. Испуганная его видомъ, жена спросила:

— Що таке? що сталося?

Онъ взялъ перо и написалъ: "Волю намъ вернулы".

Сейчасъ же Кулишъ поспѣшилъ выѣхать съ женою въ Петербургъ и началъ зарабатывать журнальнымъ трудомъ: переводилъ и дѣлалъ всякія компиляціи по книгамъ нѣмецкимъ,

англійскимъ, французскимъ и польскимъ, писалъ оригинальныя вещи. Такъ какъ писать ему было запрещено, то онъ печаталъ анонимно или подъ псевдонимами. Поступилъ было на службу въ министерство государственныхъ имуществъ, но служба не шла, и пришлось ее черезъ годъ оставить. Кулишъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Полтавскую губернію. Тамъ одинъ пріятель далъ ему безплатно въ пользованіе 120 десятинъ земли. Плетневъ и одинъ родственникъ заняли 900 р. Съ этими средствами онъ началъ хозяйничать, выстроивъ на ново себѣ хуторъ. Что умѣлъ, дѣлалъ своими руками. Самъ онъ прекрасно зналъ столярное ремесло (живя въ Петербургѣ, дѣлалъ мебель, скрипки), и теперь по собственному плану и собственными руками строилъ себѣ домъ. Живя на этомъ хуторѣ, онъ познакомился съ Сергѣемъ Аксаковымъ и матерью Гоголя (съ Гоголемъ онъ былъ знакомъ при жизни послѣдняго) и подъ ихъ вліяніемъ составилъ въ двухъ томахъ книгу "Записки о жизни Н. В. Гоголя" (1856—1857), деньги на изданіе которой далъ С. Аксаковъ. Здѣсь же онъ обработалъ къ печати первый томъ своихъ "Записокъ о Южной Руси" и написалъ повѣсть "Ѳеклуша".

Черезъ два года Кулишъ былъ уже въ Кіевѣ, а затѣмъ снова въ Петербургѣ. Одна за другой появляются его собственныя книги и книги редактированныя имъ для изданія: "Записки о жизни Н. В. Гоголя" (1856—7), два тома "Записокъ о Южной Руси" (1856—7), "Чорна рада" — историческій романъ, сперва по русски, а потомъ по украински, собраніе сочиненій Гоголя (шесть томовъ), переводъ исторіи Маколея и пр. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Содержаніе "Записокъ о Южной Руси" преимущественно историческое и этнографическое, но тамъ же впервые напечатаны двѣ прекрасныя вещи украинской литературы: "Орыся" Кулиша и "Наймычка" Шевченка. Научное значеніе "Записокъ о Южной Руси", какъ этнографическаго сборника, большое, не смотря на нѣкоторыя ошибки, неизбѣжныя въ такомъ новомъ дѣлѣ, какимъ тогда была малорусская этнографія. Кулишъ представлялъ цѣнные

матеріалы, записанные отъ народа, съ своими интересными замѣчаніями. Книга производила впечатлѣніе на публику не только какъ ученый трудъ, но и какъ наглядное доказательство силы духовнаго творчества народа. Исторіи касается здѣсь Кулишъ въ этнографическихъ записяхъ и своихъ примѣчаніяхъ къ нимъ, а также и въ отдѣльныхъ статьяхъ. Кулишъ защищаетъ малорусскій народъ отъ обвиненій польскихъ историковъ, но въ то же время относится неблагосклонно къ своимъ гайдамакамъ и высказываетъ рѣзкое порицаніе (не всегда, впрочемъ, оправдываемое фактами) по адресу нѣкоторыхъ начальствовавшихъ лицъ бывшей гетманщины, обвиняя ихъ въ эксплоатаціи народа.

"Записки о Южной Руси" имѣли значеніе еще въ одномъ отношеніи. Въ этой книгѣ Кулишъ впервые установилъ малорусское правописаніе, которое и было принято малорусскими писателями. Въ настоящее время въ Австріи, въ малорусскихъ Галиціи и Буковинѣ, это правописаніе введено оффиціально во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, начиная со школы и кончая университетомъ, употребляется въ оффиціальныхъ сношеніяхъ, равно какъ и въ оффиціальномъ "Вистныку державныхъ законивъ", издаваемомъ правительствомъ для малорусскаго населенія Австріи.

"Чорна рада", изображающая борьбу за гетманскую булаву между Брюховецкимъ и Сомкомъ, была первымъ историческимъ романомъ, написаннымъ по украински прекраснымъ языкомъ, въ которомъ авторъ очень искусно съумѣлъ соединить матеріалъ стараго малорусскаго книжнаго языка съ современною живою народною рѣчью.

Въ авторѣ видно знатока прошедшаго Малороссіи, картина тогдашней общественной неурядицы въ странѣ нарисована рѣзкими штрихами, есть прекрасно удавшіяся фигуры (напр. Кирило Туръ, Черевань), хорошо нарисованныя картины, но все это нѣсколько холодно, мало теплоты и задушевности. Во всякомъ случаѣ "Чорна рада" остается и всегда будетъ оставаться замѣчательнымъ произведеніемъ украинской литературы, образцовымъ во многихъ отношеніяхъ.

Издавая тенія капитальныя вещи, какъ вышеназванныя, Кулишъ обратилъ серіозное вниманіе на просвѣщеніе народа и въ 1857 году издалъ малорусскую "Граматку" (азбуку) — немного трудную для дѣтей, но прекрасно составленную книгу для чтенія крестьянъ: въ селахъ ее и до сихъ поръ читаютъ съ жадностью. (Въ 1861 г. онъ переиздалъ ее въ сокращеніи). Съ тою же цѣлью Кулишъ напечаталъ второе изданіе малорусскихъ проповѣдей Гречулевича или — лучше сказать — подъ именемъ Гречулевича, (издавшаго малорусскія проповѣди ранѣе) издалъ свои собственныя проповѣди.

Тогда-же попалась ему въ руки рукопись "Народныхъ оповиданнивъ" Аѳанасія Васильевича Марковича, работавшаго, кажется, при участіи своей жены и скрывшаго свое авторство за ея авторствомъ, давъ ей псевдонимъ "Марко Вовчекъ". На Кулиша произвелъ большое впечатлѣніе талантъ новаго писателя, онъ редактировалъ его разсказы и въ 1857 г. издалъ съ своимъ хвалебнимъ предисловіемъ.

Въ это время онъ могъ уже печатать за своей подписью и получилъ заграничный паспортъ. Объѣздивъ вдвоемъ съ женою почти всю Европу, Кулишъ въ 1860 г. былъ снова въ Петербургѣ и просилъ разрѣшенія издавать малорусскій журналъ "Хата", но долженъ былъ ограничиться только альманахомъ "Хата", изданнымъ въ одной книгѣ и составленнымъ изъ произведеній Шевченка, Грабинки, Г. Барвинокъ, М. Вовчка, Щоголева и др. Изданное въ томъ же году въ четырехъ томахъ, собраніе его русскихъ "Повѣстей" не произвело впечатлѣнія, за то пользовалась популярностью его "Сильська бібліотека" — серія книжечекъ (всего вышло въ 1860—1862 гг. 39 номеровъ), дешево изданныхъ для народнаго чтенія, составленная изъ произведеній самого Кулиша, Шевченка, Квитки, М. Вовчка, Г. Барвинокъ, Мордовцева, Кузьменка, Стороженка и др. Эти книжечки, прозванныя среди публики "метелыками", представляли тогда почти единственный доступный для народа матеріалъ для чтенія. Не ограничиваясь этими маленькими брошюрками, Кулишъ намѣревался дать для народа рядъ научно-популярныхъ книжекъ и началъ дѣло книжкою

"Хмельницына". Дальше должна была слѣдовать отдѣльными такими же выпусками вся исторія Малороссіи; но исполненію этого замысла помѣшала новая большая работа.

Въ 1861 году В. М. Бѣлозерскому разрѣшено было издавать въ Петербургѣ ежемѣсячный журналъ "Основа" — на малорусскомъ и русскомъ языкахъ. Однако для веденія такого журнала пока было слишкомъ мало силъ, т. е. людей съ талантомъ, знаніемъ народа и его языка. Можно было заранѣе сказать, что журналъ почти не могъ существовать съ тѣми ограниченными силами, какія имѣлись на лицо. Шевченко уже умиралъ, и, кромѣ Кулиша, только Марка Вовчка и можно было тогда считать за серіозную рабочую величину. Изъ такого положенія могъ быть только одинъ выходъ, а именно тотъ, что долженъ былъ найтись такой человѣкъ, который посвятилъ бы себя этому дѣлу, взялъ бы три четверти работы на свои плечи и имѣлъ бы достаточно силъ, чтобы не согнуться подъ этою тяжестью. Такой человѣкъ и нашелся въ лицѣ Кулиша. Только онъ одинъ и могъ сдѣлать это дѣло, и безъ него "Основа" врядъ ли пошла бы дальше 3—4 книжекъ перваго года. Только онъ одинъ изъ всѣхъ малороссовъ того времени зналъ такъ малорусскій языкъ, что могъ писать имъ — и писать прекрасно — все, что хотѣлъ: и научную исторію Украины ("Исторія Украины отъ найдавнѣйшихъ часовъ" — въ "Основѣ"), и критическія статьи, и романы, повѣсти, поэмы, лирическія стихотворенія. Исторію Малороссіи онъ зналъ не хуже Костомарова, былъ, какъ и этотъ послѣдній, въ высшей степени трудолюбивъ, имѣлъ живую, подвижную, энергическую натуру и пылалъ страстнымъ желаніемъ работать для народнаго добра, а крупный литературный талантъ давалъ ему возможность удовлетворять это желаніе въ обширныхъ размѣрахъ. Поэтому съ первой же книги "Основы" мы видимъ, какую большую долю своего труда вкладываетъ онъ въ дѣло. Онъ такъ наполняетъ книжки журнала своими работами, что принужденъ закрываться многими псевдонимами. Онъ печатаетъ тамъ рядъ своихъ поэмъ и мелкихъ стихотвореній (послѣ смерти Шевченка), разсказы,

"Лысты съ хутора", рецензіи, статьи по малорусской исторіи, составляетъ прилагаемый къ каждой книжкѣ словарь. Его научныя статьи указываютъ путь новымъ работникамъ, а въ поэзіи онъ старается затрагивать такія струны, какихъ еще не касался Шевченко.

Многія статьи Кулиша въ "Основѣ" посвящены критическому пересмотру прошлаго Малороссіи и ея литературы, а также полемикѣ съ противниками взглядовъ журнала. Таковы его статьи: "Обзоръ украинской литературы" и "Климентій, Котляревскій, Гулакъ, Гоголь". "Характеръ и задача украинской критики", "Простонародность украинской словесности", "Полякамъ объ украинцахъ", "Отвѣтъ Дню" и др. Пылкій борецъ, Кулишъ, нанося свои удары направо и налѣво въ защиту ясной для его выдающагося ума истины, попадаетъ иногда, по ошибкѣ, въ друзей (напр. его взглядъ на Котляревскаго, который онъ самъ потомъ измѣнилъ), но идея демократизма, права только что раскрѣпощенной тогда массы, народное просвѣщеніе и самобытное развитіе творческихъ народныхъ силъ нашли въ немъ горячаго и талантливаго защитника, высказавшаго цѣлый рядъ новыхъ и оригинальныхъ мыслей.

Въ "Основѣ", какъ уже сказано, печатались стихотворенія Кулиша. Въ 1862 г. онъ собралъ ихъ въ одинъ сборникъ, озаглавленный "Досвиткы".*) Послѣ "Кобзаря" Шевченко это лучшій сборникъ малорусской поэзіи, который всегда будетъ читаться земляками поэта. Весь этотъ небольшой томикъ это — поэтическое воззваніе къ пробужденію отъ духовнаго сна:

Ой ударю зразу
У струны жывыи:
Прокыньтесь, вставайте,
Старыи й малыи!
Вищуваннямъ новымъ

*) Досвиткы. Думы и поэмы П. Кулиша. Спб. 1862. (Второе изд. Кіевъ, 1876).

Мое серце бъеться,
Черезъ край изъ серця
Рядне слово льлеться...

Поэтъ воскрешаетъ передъ нами своимъ поэтическимъ словомъ мученіческіе образы предковъ, боровшихся за лучшіе идеалы народа и сложившихъ голову въ этой борьбѣ. Печально звучитъ пѣснь поэта при воспоминаніи объ этихъ могилахъ, но не одною печалью наполнено его благородное сердце. На угрозы польскихъ пановъ карать страшными муками всѣхъ, кто воставетъ за свободу, онъ отвѣчаетъ:

Нехай буде, нехай буде,
Колы Божа воля,
Щобъ росла въ бояхъ кривавыхъ
Украинська доля!
Нехай знають на веимъ свити,
Якъ мы погыбалы
И, гынучы, свою правду
Кровью запысалы.
Запысалы, — прочытають
Непысьменни люде,
Що до суду изъ пляхетствомъ
Згоды въ насъ не буде.
Покы Рось зоветься Россю,
Днипро въ море льлеться,—
Доты серце украинське
Съ панськымы не зживеться!

Среди длинной галлереи историческихъ лицъ поэтъ выбираетъ для изображенія такія рыцарско-благородныя фигуры какъ Немиричъ и рисуетъ съ него своего Голку въ поэмѣ "Велыки проводы". Голка, это — немного Немиричъ, немного самъ Кулишъ:

Ой засію я надіи
И думы высоки
У козацькій, у лыцарській
Натури шырокій.

такъ думаетъ онъ.

Збудуеться церква нова,
Пидъ небо знесеться,
Якъ истыны вичне слово
На ввесь мыръ прольлеться,
Якъ забудуть бративъ браття
Мужыкамы звати,
Якъ у всихъ насъ на Вкраини
Одна буде маты.

Съ такими мыслями и чувствами идетъ Голка защищать народную свободу и истину. Но слишкомъ высоко стоялъ онъ по сравненію съ своимъ народомъ, не избавившимся еще отъ чувствъ племенной вражды, и народъ не можетъ его понять. Голка умираетъ отъ рукъ своихъ же братьевъ, и брошенное въ Днъпръ-Славуту его великое сердце

Ростерзане, кривавее
Бъеться пидъ водою
И всю воду исповняе
Думою святою.

Но не всѣ могутъ прозрѣть сердцемъ въ эту тайну родной рѣки:

Прозирають у Славуту
Зъ устя до вершыны
Не спанили, не схлопили
Диты Украини.

Отъ прошедшаго поэтъ обращается къ настоящему, и печально звучатъ его струны:

Ой нимуе, ой сумуе
Наша вбога хата,
Що багатый одцурався
Убогого брата!

Помынаю усихъ мертвыхъ,
А по жывыхъ плачу,
Що никого я жывого
Середъ ныхъ не бачу.

Но нѣтъ, есть и живые. Уже выростаютъ тѣ, которые приближаютъ на землѣ царство истины. У этихъ людей одно дѣло:

Святу правду
Сіяти въ народи
И этимъ дѣломъ —
Доказаты,
Що мы — ридни диты
Тыхъ велыкыхъ, що за правду
Гынулы на свити! (Стр. 36—37-я 2-го изд.).

"Досвиткы" — это плачъ надъ тяжелымъ прошедшимъ и настоящимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, это призывъ къ лучшему, свѣтлому будущему:

Ой скоро свитъ буде,
Прокынуться люде,
У всяке виконце
Засіяе сонце!..

И чтобы это сонце засіяло — онъ работаетъ неутомимо. Кромѣ "Основы", онъ печатаетъ еще въ "Черниговскомъ листкѣ", составляетъ малорусскій словарь и т. п., и т. п. Его дѣятельность доставляетъ ему тогда популярность и уваженіе среди земляковъ и неземляковъ: онъ свой и въ Кіевѣ, Полтавѣ, Харьковѣ, Черниговѣ, и въ Петербургѣ и Москвѣ. Его имя повторялось среди малорусской молодежи, а его портреты отпечатлѣвались не только на бумагѣ, но и въ сердцѣ не одной "панночки", начинавшей любить родное слово, и поэтъ имѣлъ право сказать о себѣ:

На далекій Украини

Не одна, не дви дивчыни
Ради мене прывитаты,
До серденька прыгортаты,
Въ речахъ душу вылываты,
Братомъ, татомъ называты... (Досвиткы, 46).

Юмористы слагали шутливые разсказы о почитаніи, которымъ пользовался тогда Кулишъ среди своихъ поклонниковъ и поклонницъ...

Но между этими цвѣтами было много и терній, и часто весьма чувствительныхъ и очень вредившихъ дѣлу. Этимъ, между прочимъ, объясняется то обстоятельство, что "Основа", выйдя въ 22 книжкахъ, должна была пріостановиться, не закончивъ второго года. Пока еще трудно разобраться въ той путаницѣ недоразумѣній, которая произошла тогда среди кружка "Основы" въ Петербургѣ. Кое-какія поясненія по этому вопросу даетъ г. Мордовцевъ въ своей книжкѣ "За крашанку — пысанка" (*); но все же еще больше остается неразъясненнымъ. Не пх... въ подробности, которыя заняли бы слишкомъ много мѣста, скажемъ только о томъ впечатлѣніи, какое получается хотя бы отъ чтенія напечатанныхъ у г. Мордовцева писемъ Кулиша и Костомарова. Было, кажется, то, что часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Искренній, сильный и талантливый человѣкъ всецѣло отдаетъ себя дѣятельности для извѣстной идеи. Вокругъ — люди меньшіе и по таланту, и по преданности идеѣ. Сильный человѣкъ и видитъ дальше ихъ, и работаетъ больше и лучше ихъ и вслѣдствіи этого хочетъ пользоваться большими правами, т. е. большею самостоятельностью въ своей работѣ. Но толпа какъ разъ этого и не хочетъ позволить. Окружающіе съ удовольствіемъ предоставляютъ ему право работать, но желаютъ, чтобы работа производилась по ихъ указкѣ; пусть онъ, пожалуй, пользуется и нѣкоторой извѣстностью, но не слишкомъ большой: вѣдь тогда будутъ думать, что только онъ все и дѣлаетъ и что онъ умнѣе

(*) С.-Петербургъ, 1882.

всѣхъ. А онъ и въ дѣйствительности умнѣе всѣхъ и не хочетъ отказываться ни отъ своего ума, ни отъ тѣхъ прерогативъ, которыя послѣднему принадлежатъ. Здѣсь и конфликтъ. Съ одной стороны начинаются крики о "чрезмѣрномъ самолюбіи" и "диктаторскихъ наклонностяхъ", а съ другой — жалобы на толпу, не понимающую избранныхъ умовъ, и пр. Видя это непониманіе, сильный человѣкъ еще болѣе убѣждается въ своей справедливости и совершенно перестаетъ обращать вниманіе на мнѣнія другихъ. Для него исчезаетъ критика, въ немъ одномъ уже совмѣщается и творецъ, и критикъ собственнаго творчества. Поэтому, дѣлая ошибку и слыша со всѣхъ сторонъ, что это ошибка, онъ все же не вѣритъ никому, и думаетъ, что его ошибка — открытіе сильнаго ума, еще не понятое обыкновенными людьми. А обыкновенные люди, видя ошибки, въ свою очередь начинаютъ полагать, что у сильнаго человѣка и нѣтъ ничего, кромѣ ошибокъ, и оставляютъ его.

Конечно, для этого необходимо, чтобы этотъ сильный человѣкъ слишкомъ превышалъ средній уровень окружающихъ его людей и въ то же время былъ очень самолюбивъ. Оба эти условія были на лицо и въ данномъ случаѣ, а потому нѣчто подобное происходило и у Кулиша съ его петербургскими земляками. Отношенія то улучшались, то снова портились. По поводу этихъ отношеній г. Мордовцевъ говоритъ въ упомянутой выше книжкѣ: "Для того я й друкую ци листы його, щобъ выдно було, якъ його свои жъ грызлы, та все спотыныга, та й догрызлы до того, що винъ плюнувъ имъ у вичы своєю "Возсоединенною Русью", а потимъ и "Крашанкою" (*). Съ этого уже времени начался разрывъ у Кулиша съ обществомъ, приведшій къ печальнымъ послѣдствіямъ. И не безъ причины Кулишъ говоритъ въ "Досвиткахъ":

Нема въ мене роду,

(*) За крашанку — пысанка П. Ол. Кулишеви. Написавъ Д. Слипченко-Мордовець. Спб. 1882. Стр. 22.

Немае дружыны,
А ни брата-товарыша
На всій Украини.
Дума сумовыта —
То моя родина;
Сердце одыноке —
Вирная дружына,
Степы, горы и долыны —
Товарыство-побратымы...

Изданіе "Основы" прекратилось, дѣла типографіи Кулиша, благодаря управляющему, тоже пришли въ упадокъ. Кулишъ жилъ въ Петербургѣ въ нуждѣ, затѣмъ уѣхалъ на хуторъ подъ Борзну, хозяйничалъ и жилъ въ такой крайности, что пища его и его жены не отличалась ничѣмъ отъ плохой пищи крестьянина. Единственнымъ его заработкомъ были нѣсколько статей въ журналахъ (Исторія борьбы козаковъ съ поляками во время Павлюка и Остряницы и др.). Благодаря личному знакомству съ министромъ Милютинымъ, Кулишъ въ 1864 или 1865 г. поступилъ на службу на значительную должность въ западномъ краѣ (*), но вскорѣ (1869) долженъ былъ ее оставить вслѣдствіе своихъ сношеній съ галицкими малороссами.

Какъ только прекратилась "Основа", Кулишъ сейчасъ же начинаетъ работать въ галицкихъ журналахъ: "Вечерныци", "Мета", "Правда". Тамъ онъ печатаетъ свои новыя стихотворенія, повѣсти ("Мартынъ Гакъ", "Потомкы украинського гайдамацьтва") и различнаго содержанія статьи (Первый періодъ козацьтва отъ його початку до ворогування зъ ляхамы", "Нарысъ исторіи словесносты руско-украинськои", "Поглядъ на устню словесність украинську", "Мальована гайдамацьтва", "Выкохування дитей" и др.) Въ 1869 году появляется въ Австріи

(*) Исторія съ этой службой Кулиша до сихъ поръ почти совсѣмъ не разъяснена, почему и мы ограничиваемся только упоминаіемъ о фактѣ).

его переводъ пятикнижія Моисеева ("Пъять книгъ Мусіевыхъ"), а затѣмъ (подъ псевдонимомъ П. Ратая) онъ издаетъ стихотворный переводъ "Псалтири" и таковой же — превосходный — "Книги Іова"; затѣмъ прозою — четвероевангеліе. (Позже, вмѣстѣ съ профессоромъ Пулюемъ, Кулишъ издалъ переводъ всего "Новаго Завѣта"). Оставивъ службу, Кулишъ бывалъ то въ Галиціи, то въ Вѣнѣ. Вся его дѣятельность направилась на Галицію. Эта часть малорусской земли, подавленная болѣе культурнымъ польскимъ элементомъ, нуждалась въ энергической литературной силѣ, могшей помочь ея возрожденію, и Кулишъ, всегда готовый работать, бросился туда, гдѣ въ этой работѣ сильно нуждались. Дѣятельность Кулиша въ Галиціи послужила тамъ къ подъему духа малорусской народности въ борьбѣ съ денаціонализирующимъ польскимъ элементомъ, придала новыхъ силъ галицкимъ народолюбцамъ.

Все это было до 1873 г. Въ 1873 г. Кулишъ былъ уже въ Петербургѣ и работалъ тамъ надъ своей "Исторіей возсоединенія Руси", два тома которой появились въ 1874 г., а третій — въ 1877 (конца не было); въ 1877 г. напечаталъ Кулишъ въ №№ 3 и 6 "Русскаго Архива" и свои статьи о козачествѣ.

По поводу этихъ новыхъ работъ Кулиша г. Пыпинъ, въ своей "Исторіи славянскихъ литературъ" (I, 375) говоритъ следующее: "Подъ вліяніемъ чувства произошелъ послѣдній изумительный поворотъ въ мнѣніяхъ Кулиша, выразившійся въ "Исторіи возсоединенія" и статьяхъ о козачествѣ въ "Русскомъ Архивѣ" 1877 г., гдѣ прежніе идолы были свергнуты съ пьедесталовъ, и авторъ вообще явился злѣйшимъ противникомъ стремленій, въ которыхъ прошла однако вся его прежняя жизнь". Большинство публики придерживается того же взгляда на послѣднюю литературную дѣятельность Кулиша. Между тѣмъ взглядъ этотъ нельзя назвать вполнѣ точнымъ.

Еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, въ эпилогѣ къ русскому тексту "Черной рады", Кулишъ говорилъ: "Я желалъ выставить (въ романѣ) во всей выразительности олицетворенной исторіи

причины политическаго ничтожества Малороссіи и каждому колеблющемуся уму доказать... нравственную необходимость сліянія въ одно государство южно-русскаго племени съ северным"(*). Такимъ образомъ съ самаго начала своей долгой литературной дѣятельности Кулишъ является съ одной стороны защитникомъ самобытнаго развитія малорусской народности, а съ другой — сторонникомъ государственнаго единенія южнаго русскаго племени съ сѣверным. Эти два принципа проходятъ красной нитью во всей его литературной дѣятельности до самаго послѣдняго ея дня, и читатель увидитъ ниже, что этимъ своимъ "стремленіямъ" Кулишъ не измѣнялъ никогда.

Защищая индивидуальное "я" малорусскаго народа, Кулишъ относился отрицательно къ историческимъ дѣятелямъ Малороссіи, выражая свое сочувствіе только очень немногимъ изъ нихъ. Вотъ его отзывъ (въ 1861 году) о гетманщинѣ: "Мы не жалѣемъ о ней, какъ объ уничтоженіи корпорацій генеральныхъ старшинъ, которые, вмѣстѣ съ избраннымъ отъ царя гетманомъ, дѣлили между собой войсковое имущество, не заботясь о благѣ народа... Намъ нечего жалѣть о паденіи гетманщины! Это было дерево, подгнившее въ корнѣ и не приносившее никакихъ плодовъ. Еслибъ не повалило его петербургское правительство, оно само рухнуло бы и сгнило, оставленное безъ вниманія народомъ"(**). Во второмъ томѣ "Записокъ о Южной Руси", въ предисловіи къ извѣстной запискѣ Теплова, онъ высказывается объ этомъ еще рѣзче, говоря о "естественной необходимости измѣненія испорченныхъ административныхъ формъ", — т. е. гетманщины. (З. о Ю. Р., II, 171—174). Исходя изъ такихъ взглядовъ, Кулишъ считалъ политику Петра I и Екатерины II хоть и жестокою иногда (см. дальше въ тѣхъ же "Липовыхъ пущахъ" о насиліяхъ, дѣлавшихся послѣ уничтоженія гетманщины), но государственно-мудрою. Такіе же точно взгляды о необходимости единенія Великороссовъ и Малороссовъ въ одномъ государственномъ тѣлѣ и о неизбѣжности

(*) Русская бесѣда 1858 г., I, 145.

(**) Основа, 1861, V, 22—23. (Липовыя пущи).

и необходимости уничтоженія старыхъ малорусскихъ порядковъ высказываетъ впослѣдствіи (1882) Кулишъ и въ своихъ книжкахъ "Едыному цареви" и "Едыній царыци" — Петру I и Екатеринѣ II, прославляя ихъ за то, что они уничтожили въ Малороссіи корпорацію эксплуататоровъ народа и раздавили "розбойны й руйною несыту гадюку за порогами", — т. е. Сѣчь(*). Такимъ образомъ касательно политическаго положенія Малороссіи во взглядахъ Кулиша нѣтъ принципіальной разницы между тѣмъ, что онъ писалъ въ 1857 и 1861 гг. и въ 1873, 1882 и 1896 годахъ.

Болѣе измѣнились взгляды Кулиша на козачество, но все же не настолько, чтобы въ его первоначальныхъ мнѣніяхъ, нельзя было различить зародышей позднѣйшихъ. Сперва онъ смотрѣлъ на козаковъ взглядомъ, близкимъ ко взгляду Шевченка. Это доказываютъ его "Досвиткы", гдѣ онъ, прославляя первыхъ предводителей козацкихъ (дѣятелей Кумежъ и Соленицы, Морозенка и др.), говоритъ:

Нехай знають на всимъ свити,
Якъ мы погыбалы
И, гынучы, свою правду
Кровъю запысалы! (**)

Однако уже и тогда онъ хотя и понималъ чувства "дыкого хлопотва", бушевавшаго въ южныхъ степяхъ въ XVII вѣкѣ, но вполнѣ могъ отдавать свои симпатіи только инымъ людямъ. Его идеаломъ былъ Голка ("Велыки проводы" въ "Досвиткахъ"), проповѣдникъ божественной истины и врагъ всякаго разбойничьяго насилія, возстававшій противъ разрушительныхъ стремленій темной народной массы. Масса не поняла этого человѣка и потому убила его, такъ какъ понять его могли только

Не спаниили, не схлопили
Диты Украины, —

т. е. истинные сыны своей родины, равно чуждые и

(*) Хуторна поэзія, 89—94.
(**) Досвиткы, 2-е изд., 21.

поработительскимъ претензіямъ панства, и грубымъ наклонностямъ некультурной массы и служащіе только истинно человѣческимъ идеаламъ.

И "паны" и "мужики" Кулишу одинаково несимпатичны. Сѣчь запорожская и гайдамаки мало симпатичны ему еще въ 1857 году; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть нѣкоторыя страницы его "Записокъ о Южной Руси" или тѣ мѣста "Черной рады", гдѣ онъ говоритъ о запорожцахъ или описываетъ буйства сторонниковъ Брюховецкаго. Но въ равной степени возстаетъ Кулишъ и противъ панскихъ притѣсненій народа объ этомъ мы уже упоминали, говоря о "Досвиткахъ"; подобныя же мысли находятся въ изобиліи въ его полемическихъ статьяхъ въ "Основѣ". Онъ желалъ бы встрѣчать въ исторіи только такихъ людей, какъ Юрій Немиричъ, съ котораго онъ рисовалъ своего Голку (*). Такія фигуры привлекали его своею *культурностью*. Эта культурность нравилась ему и въ польско-малорусскомъ панствѣ XVII вѣка; хотя онъ и не симпатизировалъ ему. Разыскивая въ прошедшемъ такихъ насадителей культуры какъ Немиричъ, онъ нашелъ ихъ немного, но за то встрѣтилъ много дикости, некультурнаго буйства. Это послѣднее чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе отталкивало его отъ себя, а признаки культурности все болѣе и болѣе привлекали. Уже въ "Основѣ" 1861 года (IX, 79 — 107) онъ возстаетъ противъ стремленія видѣть въ исторіи Малоросіи только исторію козачества: ("Козацтво було тилкы буйнымъ цвитомъ, а иноди й колючымъ бодякомъ середъ нашого дыкого степу. Росло въ насъ дечого багато й опричъ козаччыны". Чѣмъ далѣе, тѣмъ Кулишъ все болѣе придавалъ значенія этому "дечому опричъ козаччыны" и наконецъ совсѣмъ пересталъ видѣть въ козачествѣ какія либо признаки культурной творческой силы: "Уничтоживъ могущественное королевство... Польшу, не воздвигъ русскій народный духъ на великихъ пожарищахъ и кладбищахъ прославленной свободы, а лишь далъ возможность новымъ хищникамъ, вмѣсто хищниковъ старыхъ, утвердить здѣсь свое

(*) См. примѣчанія къ поэмѣ «Велики проводы» въ «Основѣ» 1862, II, 79.

„темное господство" (*). Отъ этого взгляда до взгляда на козаковъ, а тѣмъ болѣе на гайдамаковъ, какъ на силу исключительно разрушительную и враждебную культурѣ слишкомъ недалеко, и потому, сказавъ вышеприведенное въ 1868 г., Кулишъ въ "Исторіи возсоединенія Руси", черезъ шесть лѣтъ, изображаетъ козаковъ уже исключительно разбойниками.

Но если козаки разрушители и враги культурнымъ начинаніямъ, то, послѣдовательно разсуждая, необходимо было снять большую часть (если не всѣ) обвиненій съ цивилизаторовъ, каковыми въ данномъ случаѣ являлись польско-малорусскіе паны. Они были тогда культуръ-трегерами и, борясь съ козаками, защищали дѣло культуры. Такимъ образомъ, послѣ "Исторіи возсоединенія Руси", появляется "Кращанка" съ похвалами польско-малорусскому дворянству и громами противъ историковъ, защищающихъ козаковъ.

Сказаннаго, надѣемся, достаточно для того, чтобы убѣдиться, что взгляды Кулиша на малорусскую исторію измѣнились къ концу его жизни далеко не по всѣмъ вопросамъ; происходившія же измѣненія совершались постепенно, и въ самыхъ первоначальныхъ его взглядахъ уже ясно видны зародыши взглядовъ послѣднихъ лѣтъ его дѣятельности. Эти зародыши, развиваясь все болѣе, и привели къ тому, что начавъ съ книги малорусскихъ героевъ "Украина", создавая которую авторъ мечталъ сдѣлаться козацкимъ Гомеромъ, Кулишъ дошелъ до проклятій козакамъ и раздражительной полемики съ ихъ защитниками въ послѣднемъ своемъ стихотворномъ сборникѣ "Дзвинъ".

Первый томъ "Исторіи возсоединенія Руси" является несомнѣннымъ пріобрѣтеніемъ для малорусской исторіографіи. Авторъ указываетъ въ немъ на ту сторону дѣла, на которую до тѣхъ поръ историки мало обращали вниманія, а именно — на

(*) Первый періодъ козацьтва од його початку до ворогування з Ляхамы. Правда, 1868, №№1-17, 414.

значеніе городского, мѣщанскаго населенія въ прошлой культурной жизни Малороссіи. При изложеніи исторіи XVII вѣка историки говорятъ обыкновенно о козакахъ, духовенствѣ, дворянствѣ, о массахъ "посполитыхъ" и весьма мало удѣляютъ вниманія мѣщанамъ. Кулишъ рядомъ несомнѣнныхъ фактовъ доказалъ все значеніе послѣднихъ въ борьбѣ малороссовъ за свое народное "я". Въ этомъ главная заслуга книги. Кромѣ того, она вообще прекрасно написана и читается съ большимъ интересомъ. Но за этимъ первымъ томомъ появился второй, третій, новыя статьи... Здѣсь авторъ силился доказывать, что всѣ историческіе дѣятели Малоросіи козацко-гетманскаго періода, вмѣстѣ съ наиболѣе прославившимся Богданомъ Хмельницкимъ, были просто разбойники и враги культуры; малорусская исторія этого времени это — исторія "украинскихъ разбоевъ."

Конечно, Кулишъ въ этомъ случаѣ ошибался. Онъ, въ своемъ увлеченіи, упускалъ изъ виду, что въ исторіи каждаго народа бываютъ моменты и цѣлыя эпохи, когда только путемъ кровавыхъ переворотовъ достигается лучшее будущее, и потому дѣятели этихъ переворотовъ являются дѣятелями прогресса; что во всемъ козацкомъ движеніи присутствовали, кромѣ элементовъ разрушительныхъ, и элементы созидательные; что неуспѣхъ движенія обусловливался не столько малой нравственной состоятельностью дѣятелей, сколько исключительно не выгоднымъ положеніемъ края, который былъ лакомымъ кускомъ и потому яблокомъ раздора для трехъ государствъ; что, не смотря на всю неудовлетворительность уничтоженныхъ формъ самоуправленія, введеныя новыя формы были гораздо ниже старыхъ по своей пригодности для населенія и для того дѣла культуры, которое является такимъ дорогимъ для автора. Все это было вполнѣ ясно для каждаго, знакомаго съ предметомъ, и Н. И. Костомаровъ могъ съ полнымъ основаніемъ сказать Кулишу слѣдующее: "Мы далеки отъ того, чтобы скорбѣть объ уничтоженіи Запорожской Сѣчи и готовы признать это уничтоженіе дѣломъ мудрой государственной политики. Но иное дѣло — цѣль, а иное — способы

къ достиженію этой цѣли. Вспомнимъ участь Калнышевскаго и Глобы! Ужасъ овладѣваетъ воображеніемъ, когда представишь себѣ несчастнаго кошеваго, глубокаго старика, ничего иного не показавшаго русскому престолу, кромѣ вѣрности и послушанія: теперь, въ воздаяніе за долгую преданность его бросили его въ сырую и мрачную темницу соловецкаго монастыря и томили тамъ въ одиночномъ заключеніи болѣе тридцати лѣтъ. А что сдѣлали съ Запорожскимъ краемъ послѣ уничтоженія Сѣчи? Выгнали наплывшее туда уже издавна вольное населеніе и отдали превращенныя въ пустыню поля и угодья въ добычу вельможамъ, любимцамъ счастія и временщикамъ! Это-ли прославляемая Кулишомъ культура? Уничтоженіе гетманщины въ Малороссіи хотя и могло оправдываться теченіемъ историческихъ судебъ всего русскаго міра, но совершено съ такими послѣдствіями, которыя не послужили къ пользѣ, благосостоянію и духовному развитію народа. Чтобы сплотить тѣснѣе малорусскій край съ другими областями русскаго государства и истребить въ немъ могущія ожить уже примершія завѣтныя историческія побужденія, сочли лучшимъ и простѣйшимъ средствомъ разрознить сословія: козацкимъ старшинамъ даровать, наравнѣ съ русскими служащими въ офицерскихъ чинахъ, дворянское достоинство и право владѣть крестьянами, а простой народъ, такъ называемое въ Малороссіи посполитство, отдать въ порабощеніе новоиспеченному дворянству. Что-жъ, и это культура!"*)

Но хотя такіе взгляды Кулиша были несомнѣнною ошибкою,— все же ихъ нельзя назвать, какъ это дѣлали, измѣною своему прошлому, а лишь перемѣною историческихъ взглядовъ. Появленіе "Крашанки" ухудшило дѣло.

Живя въ 1882 году въ Галиціи, во Львовѣ, Кулишъ возымѣлъ мысль помирить между собою галицкихъ поляковъ и украинцевъ. Намѣреніе было прекраснее, такъ какъ международная вражда

*) Кіевская Старина, 1883, II. П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность — Н. Костомарова, стр. 231 — 232.

обѣихъ народностей обѣимъ-же приносила вредъ, а особенно малороссамъ. Кулишъ вошелъ по этому поводу въ личныя сношенія съ нѣкоторыми польскими дѣятелями, между прочимъ съ Крашевскимъ, и издалъ памфлетъ "Крашевка" съ цѣлью доказать, что Полякамъ въ Галиціи не слѣдуетъ притѣснять малороссовъ, а послѣднимъ необходимо забыть прежнія обиды, такъ какъ не только поляки дѣлали зло малороссамъ, но и наоборотъ. Но призывая къ этой прекрасной цѣли, авторъ сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ. Первая заключалась въ томъ, что онъ принималъ во вниманіе только свидѣтельства польскихъ историческихъ источниковъ, отвергая малорусскіе, какъ пристрастные, и забывая, что и польскіе не могли быть иными, такъ какъ принадлежали тоже заинтересованной сторонѣ. Страннымъ также являлось допущеніе, что широкія народныя движенія, какъ напр. возстаніе всего народа, могутъ возникнуть вслѣдствіе выдумокъ духовенства и кобзарей: массы идутъ по собственной волѣ на смерть только при томъ условіи, если ихъ положеніе является для нихъ тяжелѣе и страшнѣе риска смерти и самой смерти. Наконецъ забывалось, что малорусское возстаніе являлось протестомъ не только порабощаемаго народа, но и порабощаемой національности. Благодаря этимъ ошибкамъ, картина прежнихъ отношеній малороссовъ и поляковъ вышла въ значительной степени ложною, и книжка не только не помогла примиренію, но еще болѣе усилила взаимное раздраженіе, давъ поводъ перебирать старые историческіе счеты.

До сихъ поръ мы разсматривали перемѣны только въ историческихъ взглядахъ Кулиша. Эти перемѣны вызвали наибольшее къ себѣ вниманіе и наиболѣе ожесточенную полемику, хотя и не такъ резко измѣнились, какъ казалось съ перваго взгляда. Гораздо болѣе рѣзкій поворотъ произошелъ во взглядахъ Кулиша на народную массу и на роль интеллигенціи въ культурномъ развитіи этой массы.

Уже изъ сказаннаго отчасти видно — въ какомъ направленіи произошелъ этотъ поворотъ. Остановимся теперь подробнѣе на

этомъ вопросѣ.

Взгляды Кулиша въ первую половину его дѣятельности на народъ и интеллигенцію выразились во многихъ его статьяхъ, печатавшихся въ "Основѣ", а главнымъ образомъ въ его "Лыстахъ съ хутора" (1861). Кулишъ относится въ нихъ въ высшей степени скептически къ существующей цивилизаціи: онъ называетъ ее "мизерною" и говоритъ: "цивилизація, говоритъ, ведетъ человека къ счастливому существованію. А что, если нѣтъ?" Такое отрицательное отношеніе къ имеющейся на лицо цивилизаціи объясняется тѣмъ, что она создала совершенно ненормальное положеніе на родинѣ автора. Населеніе края рѣзко разбилось на двѣ группы; горожанъ и жителей села. Издавна грамотные горожане отреклись отъ сельскаго неграмотнаго люда и его языка и слѣдуютъ за небольшою группою людей, стоящею одиноко среди массъ темнаго народа. Эти люди создали себѣ свой языкъ, свою культуру, понятные только имъ самимъ, и бросили на произволъ судьбы лишенные всякаго просвѣщенія милліоны. Они, правда, иногда обращаются къ этимъ милліонамъ, но лишь для того, чтобы рекомендовать имъ блага городской цивилизаціи. А между тѣмъ эта цивилизація представляетъ лишь образчики крайняго развращенія и эксплуатаціи слабаго сильнымъ; тамъ — "людськи сльозы квартами миряють" (Осн. 1861, I, 313), тамъ существуетъ только презрѣніе къ труженику — земледѣльцу и наслажденіе роскошью: "гордятся своими архитектурными сооруженіями, живописью, театромъ, музыкою и поэзіей, а того не поймутъ, что все это блестящее искусство служитъ наиболѣе человѣческой гордынѣ и роскоши и что ужъ не народъ управляетъ художниками, а блестящая кучка легкомысленныхъ людей, знающихъ только восторги ничтожной нѣги и не понимающихъ восторговъ великаго труда, кроваваго пота для человѣческаго блага" (Осн. 1861, II, 230); тамъ и то, что должно служить свѣту, — школа, литература, — въ сущности служитъ тьмѣ, отрывая сельскаго человѣка отъ его семьи и народа и пріобщая его къ этой гнилой цивилизаціи. Наоборотъ, среди сельскихъ массъ

сохранилось здоровье тѣла, чувства и ума, сохранилась истинная нравственность и гуманность. Сообразно этому и созданная сельскимъ народомъ устная литература является продуктомъ болѣе здоровымъ, чѣмъ литература городовъ. "Народная поэзія никогда не оправдываетъ беззаконія; никогда не льститъ низкимъ страстямъ сильнаго, никогда не ругается надъ несчастіями и страданіями. Народная муза полна разума и милосердія". (Осн. 1861, I, 164—165). Кулишъ рекомендуетъ жителямъ села остаться пока при этой словесности и при немногихъ произведеніяхъ молодой малорусской литературы, какъ напр. Шевченка и Квитки; но какъ книгу книгъ, какъ основу жизни — онъ рекомендуетъ лишь одну книгу — Евангеліе. Евангельскія принципы должны быть строго проведены въ жизнь, и когда это будетъ сдѣлано, тогда исчезнетъ и соціальное, и экономическое неравенство. Объ *этомъ* нужно заботиться, а не о пріобщеніи себя къ городской цивилизаціи. "Пусть-бы и не процвѣтали великія искусства; пусть бы не было ни Пароленка, ни церкви Петра; пусть бы все населеніе земнаго шара не вышло изъ сельскаго состоянія (нехай бы вся земля селомъ стояла), — что за бѣда? Лишь бы людямъ не тяжело было на свѣтѣ жить!" (Осн. 1861, II, 230). Часть Америки ушла впередъ по пути цивилизаціи, но это только потому, что она прежде совершила то, что намъ еще нужно совершить. "Когда придетъ то время, что изъ хатъ, а не изъ палатъ начнутъ появляться великіе судьи искусства, науки, да и самой правды человѣческой", — тогда и у нашего народа будетъ своя цивилизація. А пока ему лучше, не идя на погибель, оставаться въ своей грубой корѣ, но сохранять свѣжесть и чистоту ума и чувства и свое "я". Это, однако, не означаетъ отреченія отъ просвѣщенія, но только то, что просвѣщеніе должно быть истиннымъ: пусть знаютъ Шекспира и иностранные языки, но пусть будутъ людьми, а не "паненятами": ограничиваютъ свои потребности, ходятъ въ простой одеждѣ и трудятся надъ добываніемъ хлѣба.

Таковы были взгляды Кулиша по данному вопросу въ первый періодъ его дѣятельности, — они дѣйствительно измѣнились до

противоположности во второмъ періодѣ ея.

Прежній защитникъ возстававшаго за свою свободу народа является теперь горячимъ сторонникомъ тѣхъ, кого сперва называлъ поработителями — польско-украинскихъ пановъ; возмущавшійся прежде словами стариннаго стихотворца Климентія, называвшаго непокорныхъ мужиковъ бунтовщиками (Осн. 1861, I, 163), теперь самъ ничего не видитъ въ прошлыхъ движеніяхъ малорусскихъ народныхъ массъ, кромѣ своеволія и бунта. "Народная муза, полная разума и милосердія", уступила мѣсто разгульной и дикой музѣ пьяныхъ кобзарей, поджигающихъ, во время бражничанья въ шинкахъ, толпы лѣнтяевъ и своевольниковъ противъ благодѣтельствующаго имъ культурнаго пляхетства. Такими были эти толпы прежде, такими и до сихъ поръ остаются. Народъ — азіатски некультурная дикая масса, лишенная, вслѣдствіе своей дикости, чувства справедливости и гуманности. Какъ прежде истинные поборники культуры — польско-украинскіе паны — имѣли право силою сдерживать варварскіе порывы этой массы, такъ и теперь истиннымъ представителямъ интеллигенціи принадлежитъ право насильственно культивировать эту массу... Таково впечатлѣніе, производимое многочисленными историческими статьями второго періода дѣятельности Кулиша, а также его стихотворными сборниками "Хуторна поезія" и "Дзвинъ" и драмою "Байда". Мы передаемъ только основной тонъ послѣднихъ его работъ, уклоняясь отъ цитированія произведеній, при чтеніи которыхъ (какъ напр. многихъ стихотвореній изъ сборника "Дзвинъ") тяжело становится на душѣ — столько въ нихъ презрѣнія къ народнымъ массамъ, возвеличиванія насилія и страстно-недобраго отношенія ко всѣмъ несогласно думающимъ съ авторомъ... Правда, Кулишъ признаетъ (см. его полемику съ г. Павликомъ) существованіе экономической необезпеченности народныхъ массъ, но полагаетъ, что улучшеніе ихъ благосостоянія произойдетъ путемъ гуманныхъ

филантропическихъ уступокъ со стороны состоятельнаго командующаго класса.*)

Чѣмъ-же объяснить такую рѣзкую перемѣну взглядовъ?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ необходимо коснуться отношеній Кулиша къ самобытному развитію малорусской народности. Въ этомъ случаѣ онъ никогда не измѣнялъ своихъ взглядовъ. Признавая исторически-необходимымъ соединеніе южнаго и сѣвернаго русскихъ племенъ въ одно государство, онъ съ самого начала своей литературной дѣятельности держался того взгляда, что малорусская народность должна органически развиваться и найти себѣ выраженіе въ литературѣ и искусствѣ. И его цѣль была — послужить сколько возможно этому развитію. Придерживается ли онъ козакофильскихъ мнѣній, или взглядовъ "Исторіи возсоединенія Руси" — онъ одинаково трудится на пользу развитія малорусской литературы и ея языка. Въ самый разгаръ его антикозацкой и антигайдамацкой полемики онъ дѣятельно работаетъ на украинскомъ языкѣ: издаетъ стихотворные сборники ("Хуторна поезія", "Дзвинъ)", отдѣльныя поемы ("Магометъ и Хадыза)", драмы ("Байда"), издаетъ, по малорусски полный переводъ Новаго Завѣта и работаетъ надъ малорусскимъ переводомъ Библіи ветхаго завѣта, переводитъ по украински Шекспира, Шиллера, Байрона, Гейне, — и вся эта неутомимая работа (результаты которой обнародованы только отчасти) продолжается непрерывно. Никто больше его не написалъ по малорусски, и смерть застала его съ перомъ въ рукахъ за малорусской работой. Даже появленіе такой его книги, какъ "Кращанка" вызвано стремленіемъ его помирить поляковъ съ австрійскими малороссами съ цѣлью улучшенія положенія послѣднихъ. Такимъ образомъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, что Кулишъ "вообще явился злѣйшимъ противникомъ стремленій,

*) Здѣсь, впрочемъ, онъ болѣе остался вѣренъ самому себѣ, такъ какъ онъ никогда сильно не интересовался политико-экономической наукой и разрѣшеніе экономическихъ вопросовъ и прежде ставилъ въ зависимость не отъ законовъ экономики, а отъ распространенія моральныхъ истинъ.

въ которыхъ прошла однако, вся его прежняя жизнь". Кулишъ измѣнилъ во многомъ свои взгляды, но *основного стремленія* всей своей жизни онъ никогда не измѣнялъ, такъ какъ этимъ стремленіемъ было — служить дѣлу развитія родного слова, что онъ всегда и дѣлалъ и всю свою долгую жизнь онъ былъ бойцомъ за это.

Да, вотъ въ чемъ дѣло: онъ былъ по своей натурѣ прежде всего *бойцомъ,* обладавшимъ въ тоже время выдающимся литературнымъ талантомъ. При томъ бойцомъ страстнымъ, увлекающимся и глубоко убѣжденнымъ въ правотѣ защищаемаго имъ дѣла, даже когда ошибался. *Эта* струна звучала въ его существѣ всегда сильнѣе всѣхъ остальныхъ и всѣмъ остальнымъ давала тонъ. Въ этомъ главнымъ образомъ заключается разгадка той неустойчивости его мнѣній по многимъ вопросамъ, о которой мы говорили выше.

Кулишу съ самого начала его дѣятельности необходимо было конечно опереться на данныя, указывающія на присутствіе въ прошлой и настоящей жизни народа такихъ началъ, которыя не только давали ему право на самобытное развитіе, но и указывали на наличность силъ, необходимыхъ для осуществленія этого развитія. Такими данными явились для Кулиша прежде всего — сильно развитая психика народа и та степень умственнаго и астетическаго развитія его, которая дала ему возможность создать многочисленные образцы литературы и искусства, часто блещущіе всѣми признаками высшей степени красоты; затѣмъ — минувшая историческая жизнь страны, представлявшая примѣры массовыхъ движеній народа въ защиту свободы и своихъ правъ, обнаруживала у этого народа идеалъ демократическаго общественнаго строя съ выборнымъ началомъ и пр. Подъ вліяніемъ яркихъ картинъ, созданныхъ историческими думами кобзарей, а отчасти и подкрашенной исторіей, вродѣ исторіи псевдо-Конисскаго, воображеніе молодого Кулиша рисуетъ ему образы героевъ малорусскаго прошлаго,борцовъ за свободу — такихъ же искреннихъ, страстныхъ и благородныхъ, какъ и онъ самъ, хотя

и дѣйствовавшихъ иными средствами. Такъ создается "Украина"— книга малорусскихъ героевъ. И чѣмъ больше авторъ любитъ этихъ героевъ, тѣмъ сильнѣе въ немъ желаніе познакомиться съ ними поближе. Онъ отдается изученію исторіи родного края, вчитывается въ лѣтописи и старинные документы, тогда почти нетронутые еще печатью. Пожелтѣвшіе запыленные листки старыхъ рукописей открыли Кулишу много новаго; но ближайшее знакомство съ героями не послужило имъ на пользу въ его глазахъ: онъ не только не нашелъ въ нимъ рыцарей безъ страха и упрека, но наоборотъ — увидѣлъ нравственную и политическую несостоятельность многихъ выдающихся историческихъ дѣятелей Малороссіи и отвернулся отъ нихъ. Если бы онъ и хотѣлъ, то уже не могъ бы писать далѣе свою украинскую Иліаду. Теперь онъ пишетъ безпощадныя обвиненія противъ правящаго класса Малороссіи и говоритъ о гетманщинѣ какъ о подгнившемъ деревѣ. Но развѣ эта "гетманщина" со всею ея "старшиною" — это уже все? Конечно, нѣтъ! Эти люди, подражавшіе изгнаннымъ польскимъ панамъ, являлись лишь притѣснителями народной массы, боровшейся за человѣческія права, стремившейся къ свѣту и добру. Эту героическую борьбу и воспѣваетъ теперь поэтъ въ стихотворномъ сборникѣ "Досвиткы" и другихъ произведеніяхъ шестидесятыхъ годовъ, отражающихъ новые его взгляды. Въ этихъ работахъ онъ съ особеннымъ сочувствіемъ изображаетъ то, что не подверглось ни заразѣ "панства", ни вліянію "мужичества", — онъ ищетъ только истинно-человѣческаго. Ему уже нѣсколько претитъ кровавый разгулъ народныхъ страстей, но онъ еще видитъ въ немъ историческое возмездіе за причиненное народу насиліе. Наклонность къ историческимъ изысканіямъ не даетъ ему возможности успокоиться на добытыхъ уже результатахъ, и разъ пробужденная мысль изслѣдователя все глубже и глубже вникаетъ въ исторію родной страны. Его художническую и нѣсколько аристократическую натуру (хотя и воспитавшуюся въ демократическомъ направленіи) чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе коробитъ при чтеніи страницъ козацкой

исторіи: столько. здѣсь еще грубости и варварства! Нѣтъ, не здѣсь искать героевъ для поэта! Страна, обѣщавшая рай культурности населявшему ее народу, подъ дѣйствіемъ разрушительныхъ силъ народнаго возстанія превращается въ пустыню, исчезаютъ въ ней всѣ зачатки культуры. На мѣстѣ разрушеннаго эти народныя массы, съ эгоистическимъ командующимъ классомъ во главѣ, не въ состояніи создать ничего новаго; образъ прекрасной страны, павшей въ борьбѣ за свою самостоятельность вслѣдствіе давленія со стороны грубой силы, оказывается лишь плодомъ фантазіи, ни на чемъ не основаннымъ. Наоборотъ: они, эти козаки, сами убили ее:

Умерла ты, матусю Украино,
Середъ козащыны, середъ негоды,
Въ кровы й руини цвитъ найкращый згынувъ
Твоей благодатньои прыроды.*)

Безполезно напоминать теперь ему, что онъ упустилъ изъ виду многое, а многому придалъ слишкомъ большое значеніе, и потому его выводы невѣрны; безполезно указывать на то, что онъ забылъ основное правило историка: судить о личностяхъ съ точки зрѣнія ихъ эпохи и приложилъ къ дѣятелямъ XVII вѣка нравственную и умственную мѣрку второй половины XIX столѣтія! Вѣдь весь смыслъ его жизни — въ его работѣ, а какъ много въ этой работѣ онъ основалъ на выводахъ исторіи, на прекрасной мечтѣ! Онъ сознаетъ себя жестоко обманутымъ въ самыхъ дорогихъ своихъ чувствахъ, почти лично оскорбленнымъ отъ сознанія, что опоэтизированные имъ личности и факты оказались не такими въ дѣйствительности. Такъ прочь же это все! Чѣмъ болѣе онъ любилъ его прежде, тѣмъ болѣе теперь ненавидитъ; чѣмъ болѣе украшалъ ореоломъ возвышенности и красоты, тѣмъ болѣе теперь унизитъ его, сорвавъ съ него незаслуженный вѣнокъ. Обманутая любовь переходитъ въ ненависть. Онъ ненавидитъ эту дикую бунтующую массу; онъ приглядывается къ ней такой,

*) Цитирую по рукописи автора.

какая она есть теперь, — уже успокоившаяся, — и замѣчаетъ въ ней тѣ же черты дикости, даже, можетъ быть, — усилившійся вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій жизни послѣдняго столѣтія. Какъ въ прежнее время необходима была деспотическая рука, чтобы создать порядокъ и зачатки культуры въ странѣ, такъ и теперь лишь сильная рука культур-трегера можетъ цивилизовать эту массу. Поэтому идеи козакофильства и народничества совершенно должны быть устранены изъ круга идей подобнаго ему дѣятеля. Вся его дѣятельность должна быть построена на иныхъ принципахъ, и чѣмъ скорѣе онъ, Кулишъ, убѣдитъ другихъ въ необходимости этой перемѣны, тѣмъ лучше. Отсюда этотъ укоръ, брошенный въ лицо своему народу:

Народе безъ пуття, безъ чести и повагы,
Безъ правды у завитахъ предкивъ дыкыхъ,
Ты, що поставъ зъ безумной одвагы
Гиркыхъ пъяныць та розбишакъ великыхъ!..

Это крикъ страшной боли человѣка, безумно любящаго свой народъ и не находящаго въ немъ того, что такъ страстно хотѣлось бы видѣть въ немъ: культурности и гуманности. Это ошибка, но ошибка человека, призывающаго свой народъ къ лучшему будущему, говорящаго ему:

На жъ зеркало всесвитне, вызырайся,
Збагны, якый ты азіятъ мызерный,
Своимъ розбоемъ лютымъ не пышайся,
Забудь навикы путь хыжацтва скверный
И до семъи культурныкивъ вертайся!

Къ этому возвращенію въ семью культурныхъ народовъ постоянно призываетъ онъ въ послѣдніе годы своей дѣятельности часто истинно пророческимъ возвышеннымъ словомъ. Но откликнулись-ли теперь на его призывъ такъ, какъ откликались когда то, въ шестидесятые годы?

Нѣтъ.

Людей, у которыхъ симпатій къ козачеству являлись неустранимою частью ихъ взглядовъ, отталкивала отъ Кулиша его козакофобія; болѣе молодое поколѣніе, у котораго соціальные вопросы и демократизмъ были на первомъ планѣ, не могло помириться съ его аристократическими воззрѣніями.

Кромѣ того, людей обоихъ направленій не могло не возмутить отношеніе Кулиша къ Шевченку. Во второмъ томѣ своей "Исторіи возсоединенія Руси" Кулишъ позволилъ себѣ отнестись къ этому послѣднему недостойнымъ образомъ, назвать его музу полупьяною и т. п. Уничтожить обаяніе имени Шевченка необходимо было Кулишу потому, что поэтъ является могучимъ апологетомъ козачества и пользуется громадною популярностью среди публики. Выступивъ противъ козакофильскихъ тенденцій, Кулишъ неизбѣжно долженъ былъ выступить и противъ Шевченка, и отъ того, насколько онъ успѣетъ отклонить симпатіи публики отъ историческихъ произведеній послѣдняго, зависилъ успѣхъ новъйшихъ взглядовъ Кулиша. Шевченко есть по его мнѣнію(*) неустранимый предметъ малорусской исторіографіи, и вотъ почему онъ противъ него выступилъ. Но выступилъ онъ не со спокойнымъ разборомъ его произведеній, а съ нападками на его личность и на "распущенную" "полупьяную" его музу. Если подобнаго рода нападки, да еще неосновательные, вообще не могутъ быть оправдываемы, то тѣмъ болѣе они должны были оскорбить чувства многочисленныхъ почитателей благородной музы и глубоко симпатичной личности поэта. Правда, позже Кулишъ пробовалъ загладить свой грѣхъ, называя Шевченка "мученикомъ человѣколюбія" (въ посвященіи "Крашанки") и говоря, что "все истинно-человѣческое въ Украинѣ идетъ подъ знаменемъ Шевченка", но затѣмъ опять возвращался къ прежнему и тѣмъ болѣе возбуждалъ противъ себя негодованіе лицъ, думавшихъ иначе.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ въ концѣ семидесятыхъ и въ

*) Исторія возсоединенія Руси, II, 24.

восмидесятыхъ годахъ противъ Кулиша сильно было возбуждено большинство публики. Прежнее почитаніе смѣнилось чуть не ненавистью. Мало было такихъ спокойныхъ и резонныхъ указаній на ошибки Кулиша, какъ статья Костомарова, цитата изъ которой приведена нами выше. Личная непріязнь къ Кулишу порождала страстность и иногда несправедливость обвиненій. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Кулишъ говоритъ, что онъ никогда не былъ *орудіемъ* въ рукахъ силы, но всегда самостоятельною *силою*. Этимъ обусловливалась продуктивность его дѣятельности, но въ то же время и непримиримость отношеній къ нему тѣхъ, которые были настолько самолюбивы, что не желали быть орудіемъ, и настолько лишены убежденности, энергіи, силы ума и таланта, что не въ состояніи были сдѣлаться силою. Люди, за всю свою жизнь не сдѣлавшіе и десятой доли того, что было сдѣлано Кулишемъ лишь въ теченіи послѣднихъ лѣтъ его жизни, а часто и совсѣмъ ничего не сдѣлавшіе, обвиняли въ измѣнѣ того человѣка, который имѣлъ самоотверженіе задыхаться подъ тяжестью работы въ то время, когда многіе и многіе изъ бросавшихъ въ него камнемъ занимались лишь прекрасными разговорами; который имѣлъ мужество работать среди насмѣшекъ, клеветъ, зависти и равнодушія къ дорогому для него дѣлу. Забывалось давно сказанное, что не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, а Кулишъ всегда много дѣлалъ, его ошибки и увлеченія были всегда искренни и, дѣлая ихъ, онъ постоянно имѣлъ хорошую цѣль — выясненіе истины. Все это не могло не вызывать раздраженія въ гордой, самолюбивой и отчасти нетерпимой натурѣ Кулиша и не усиливать рѣзкость и страстность отвѣтовъ и нападаній на противниковъ съ его стороны.

Онъ пересталъ обращать вниманіе на чьи-либо замѣчанія, сталъ вѣрить въ свою непогрѣшимость и твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что только онъ одинъ знаетъ истину и можетъ ее теперь понять; лишь будущія поколѣнія увидятъ ее ясно въ его сочиненіяхъ и оцѣнятъ по достоинству. Поэтому онъ пишетъ не для современниковъ, а для потомства...

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

I

Я знаю тебе належною, рідною,
Я бачив вже тому з тисячечи літ.
Ми борсались борцями разом з тобою,
Ми бачили і знали добре світ.
Боролись ми не раз, не два з судьбою,
І в боротьбі осмілились знать світ.
Ведь світу ми прегордого полюбились,
Да в старощах ще краще полюбились.

(*) Собщаемая въ этой статьѣ библіографія о сочиненіяхъ Кулиша «Пригнанка», «Хуторна поезія», «Мотивы и Характеры», «Дзвонъ» и обзоръ другихъ, менѣе извѣстныхъ, какъ нашъ взглядъ литературной дѣятельности Кулиша послѣднихъ годовъ и разборъ этихъ произведеній, а также въ слѣдующихъ статьяхъ и книгахъ: За границу — письмо Н. О. Кулиша. Написалъ Д. Сапожниковъ-Мордовцевъ, Спб. 1892; — Очерки исторіи украинской литературы XIX ст. проф. Н. И. Петрова (Кіевъ, 1884) и разборъ этой книги проф. Н. Н. Дашкевича ("Отчетъ о двадцать девятомъ присужденіи премій графа Уварова. Приложеніе къ LIX-му тому Записокъ Императорской Академіи наукъ. № 1. Спб. 1888.); — Исторія русской этнографіи А. Н. Пыпина, т. III. Этнографія малорусская. Спб. 1891; — П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность, статья Н. И. Костомарова въ «Кіевской Старинѣ» 1883, № 2, 221 — 224; — рецензій г. Н. П. на «Хіторну поезію» и «Пригнанку» — тамъ же, 1882, № 6, 509 — 519; — рецензія на "Дзвонъ" г. Науменко — тамъ же, 1886, IV, 28, и др.

II.

Скажы, колы бъ вернувсь изновъ той день,
Якъ бачылысь уперве мы съ тобою,
Чы зновъ бы ты спивала тыхъ писень,
Що по свитахъ летять було за мною?
Чы зновъ бы ты, зачувшы дзень-дзелень,
На морози лягала головою
И слухала музыку тыхъ копытъ,
Що до твоихъ неслы мене ворить?

III.

О, знаю, що колы бъ есы и зъ раю,
Кинця й винця усихъ земныхъ розлукъ,
Почула, що дориженьку верстаю
До тебе кризь дымы пекельныхъ мукъ
И серденькомъ на сылахъ знемогаю,
И падае знеможеный мій духъ, —
Позичила бъ ты крылъ у серафыма,
И рынулась къ мени свитъ за очыма.

IV.

И въ морокъ зла зи свиту чыстоты
Метнулась бы однымъ одна душею...
Перемогла бъ нечисту сылу ты
Пречыстою потугою своею, —
И, въ пари, мы въ чудовни высоты
Знялысь бы зновъ понадъ жыття грязею,
И писля всихъ тривогъ и завирухъ,
Були бъ — єдынъ блаженню тыхый духъ.

Къ сожалѣнію, большинство стихотвореній этихъ сборниковъ посвящены полемикѣ съ противниками историческихъ взглядовъ автора.

Перечитывая эти пьесы, убѣждаешься еще разъ, что Кулишъ былъ наилучшимъ знатокомъ малорусскаго языка, наилучшимъ малорусскимъ стилистомъ, и жалѣешь, что стихотворенія эти являются въ такой прекрасной и сильной формѣ: такъ очевидно достоинство формы не соотвѣтствуетъ здѣсь достоинству содержанія...

Изданная Кулишемъ отдѣльно поэма "Магометъ и Хадыза" рисуетъ исторію любви этой первой жены пророка къ своему мужу. Образъ Магомета очерченъ съ большимъ къ нему сочувствіемъ. Къ сожалѣнію, въ поэмѣ много реторики.

Возвратившись от 1883 г. въ Россію, Кулишъ прожилъ послѣдніе 13 лѣтъ своей жизни въ тиши своего небольшого хутора подъ Борзною. Отдѣлившись отъ міра, съ которымъ онъ не ладилъ, мало встрѣчая сочувствія, живя часто въ очень неблагопріятныхъ условіяхъ, онъ все же продолжалъ работать, не теряя бодрости духа и энергіи. Онъ занимался хозяйствомъ, причемъ нерѣдко самъ исполнялъ обязанности и слуги, и хозяина, ходя за плугомъ или присматривая за домашнимъ скотомъ, а все свободное время посвящать литературной работѣ. Трехтомная "Исторія отпаденія Малороссіи отъ Польши" и нѣсколько его статей въ русскихъ журналахъ по исторіи же, прошли незамѣченными: онъ въ нихъ повторялся. Больше вниманія обратила на себя его драма въ стихахъ "Байда, князь Вышневецькый." (Спб. 1885). Изъ этого полу-авантюриста, полу-героя, воспѣваемаго въ пѣсняхъ народомъ, Кулишъ сдѣлалъ борца за истину, говорящего —

Шануйте щыру правду, а не виру!

и ищущаго этой правды и дома, и на службѣ у московскаго царя, и въ землѣ турецкой, ищущаго, нигдѣ ненаходящаго и погибающаго отъ рукъ тѣхъ, кому желалъ добра. Повтореніе исторіи съ Голкою (въ поэмѣ "Велыки проводы") въ новой варіацій. Превосходный энергическій языкъ и нѣсколько поэтическихъ мѣстъ не позволяютъ, однако, забыть несимпатичной тенденцій автора и не разъясняютъ вопроса — какой же именно "правды" искалъ Байда и почему онъ ее искалъ такъ, а не

иначе... Въ рукописи остались еще двѣ драмы Кулиша, тоже историческія: "Царь Налывай" и "Петро Сагайдачный". Окончилъ ли онъ начатую имъ драму "Хмиль Хмельныцькый" мы не знаемъ.

Намъ остается сказать еще только о переводахъ Кулиша. Во Львовѣ онъ издалъ томъ переводовъ Шекспира, остальные переводы по малорусски британскаго драматурга (всего Кулишъ перевелъ 13 піесъ) лежатъ еще въ рукописи; частью напечатаны, а частью лежатъ въ рукописяхъ его переводы изъ Байрона, Гете, Шиллера, Гейне, а также стихотворные переводы изъ Библіи. Въ послѣдніе годы своей жизни Кулишъ приготовилъ полный малорусскій переводъ Библіи, но онъ сгорѣлъ во время бывшаго у него пожара, уничтожившаго очень цѣнную библіотеку и рукописи и заставившаго Кулишей жить нѣсколько лѣтъ въ амбарѣ, приспособленномъ кое-какъ къ обитанію. Въ 1894 г., подъ вліяніемъ просьбъ земляковъ, Кулишъ рѣшилъ предпринять громадный трудъ: перевести всю Библію снова. Онъ хотѣлъ чтобы переводъ былъ вполнѣ научный, сдѣланный съ критически провѣреннаго текста. Семидесятипяти-лѣтній старикъ обложилъ себя англійскими и нѣмецкими библіологами и взялся за работу. Онъ работалъ съ утра до вечера; начавъ весь переводъ съизнова... Приходилось работать въ такой холодной комнатѣ, что онъ долженъ былъ писать въ перчаткахъ... Плохое здоровье, ослабѣвавшее послѣ недавно перенесенной имъ инфлуэнцы, не останавливало его. Въ теченіи двухъ съ небольшимъ лѣтъ онъ изъ 50 книгъ, составляющих ветхій завѣть Библіи, перевелъ 29 или 30. Воспаленіе легкихъ и быстро наступившая 2 февраля 1897 г. смерть, не дали ему закончить работы. Но онъ работалъ почти до самой смерти и уже лежа въ послѣдній день въ безпамятствѣ, быстро водилъ пальцемъ по воздуху: онъ писалъ, заканчивалъ переводъ Библіи...

Онъ умеръ на своемъ посту культурнаго работника.

1897. Б. Гринченко

Stanford University Libraries
3 6105 111 383 936